

Гореликова
Дурная кровь

Гореликова
Дурная кровь

«Издательские решения»

Гореликова

Дурная кровь / Гореликова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833999-8

...Несмотря на жару, Сергей похолодел — он узнал этот странный безучастно-пристальный взгляд. И снова оказался беззащитен... Глаза старухи продолжали сверлить Сергея, и его тело быстро превращалось в бескостную и безвольную субстанцию. Горло сузилось до размера угольного ушка, воздух с трудом проникал в легкие. Сергей уже не мог говорить и скоро перестанет дышать. Господи, неужели она вернулась? Мы же убили ее! Почему она вернулась? Почему? Господи, ну помоги нам еще раз!

ISBN 978-5-44-833999-8

© Гореликова
© Издательские решения

Дурная кровь

Гореликова

© Гореликова, 2016

ISBN 978-5-4483-3999-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Переулок был словно заколдованный. Короткий, всего десять домов, пять с одной стороны, пять – с другой, но тем не менее, в поисках нужного номера Глагольев уже дважды проехал туда и обратно. После дома номер семь шел номер семь-А, а следом – сразу одиннадцатый. Девятый дом как корова языком слизнула.

Сергей сдал назад и остановил машину напротив второго седьмого дома. Сквозь густые кусты виднелся угол какого-то белого строения. Ну, слава богу, нашел наконец-то.

Глагольев вылез из машины, огляделся. Дом окружал высокий забор, вход был с противоположной стороны. Придется обходить, а это не очень-то приятно по такой жаре. Парило, как перед грозой.

Дойдя до калитки, Глагольев обнаружил на ней висячий замок.

Так, приехали... Вообще, зря он ввязался в эту историю. Надо было отправить Игоря. Сделать на него доверенность, и пусть бы парень рулил, он молодой, хваткий.

Сергей подергал замок.

Однако странно, что закрыто. Утром созванивались, договаривались о встрече. Не могли же все так быстро свалить. Может, это все-таки не номер девять? Черт, таблички нет, а спросить не у кого – район точно вымер.

Глагольев решил пройтись по дворам, чтобы выяснить у местных, где же сидит этот чертов нотариус.

Райончик оказался – ну просто пустыня. Как будто не в Москве, а черт знает где – кругом ни одного человека.

Наконец он увидел лавочку у подъезда и сидящую на ней фигуру. Повезло – бабки всегда все знают. Главное, чтобы в своем уме была. И не глухая.

Чтобы не напугать старушку неожиданным появлением, Сергей сначала кашлянул, и только потом сказал:

– День добрый! Вы не подскажете, где здесь нота... рия...

Остаток фразы застрял в горле, потому что старуха подняла голову, их взгляды встретились.

Несмотря на жару, Сергей похолодел – он узнал этот странный безучастно-пристальный взгляд. И как раньше, оказался беззащитен. Он чувствовал, силы оставляют его, точно внутри открылся кран, через который те утекали, как вода.

Глаза старухи продолжали сверлить Сергея, и его тело, накаченное на тренажерах, быстро превращалось в бескостную и безвольную субстанцию. За несколько секунд преуспевающий сорокалетний мужчина превратился в медузу. В медузу в костюме за полторы штуки, в кармане которого лежали ключи от абсолютно бесполезной теперь тачки стоимостью в пятьдесят тысяч.

Горло сузилось до размера угольного ушка, воздух с трудом проникал в легкие. Сергей уже не мог говорить и скоро перестанет дышать. Единственное, что оставалось – мысли, отчаянно бьющиеся в голове, которая была еще не полностью затоплена ужасом.

Господи, неужели она вернулась?

Мы же убили ее!

Почему она вернулась?

Почему?

Господи, ну помоги нам еще раз!!

Сергей закричал, но крик остался внутри, а наружу выдавился только сиплый стон. Почти такой же, как двадцать лет назад.

Двадцать лет назад Сергей Глагольев учился в университете на биофаке.

Дважды в год студенты проходили полевую практику в заповеднике, и в то памятное лето их группа поехала в Пинегу.

Первые две недели работы ничем не отличались от предыдущих экспедиций. А через неделю Валерка Чернышев, отличник-аспирант, засобиравшись обратно в Москву, чтобы выступить на конференции молодых ученых.

Проводы устроили шумные. До поздней ночи и студенты, и преподаватели жгли костер, самозабвенно пели про изгиб гитары желтой и передавали по кругу фляжки, наполненные чистым экспедиционным спиртом.

Утро получилось тяжелым. Как обычно, в пять ноль-ноль руководитель экспедиции Бутьев отправил всех по маршрутам в тайгу. Пожалел только Валерку, и чтобы как-то подбодрить любимого аспиранта, поручил Глагольеву и Плотникову проводить его на поезд.

От базы до маленького городка, где находился вокзал, рейсовый автобус ходил только раз в сутки, рано утром, и ребята оказались на станции задолго до отправления поезда.

Делать им было особо нечего, и как-то случайно вышло, что в привокзальном буфете была куплена бутылка портвейна. А потом – опять-таки случайно – еще и бутылка водки.

В общем, к моменту посадки, они были уже хороши. Валерка с трудом влез по ступенькам в вагон, причем проводнице пришлось тащить его за руку вверх, а Лешке – подпихивать снизу.

Потом Чернышев маячил в запыленном вагонном стекле и сильно раскачивался, хотя поезд даже и не тронулся. А когда поезд, наконец-то, поехал, и Валеркино лицо покатилося куда-то вбок, Леха и Сергей стали отчаянно махать вслед.

Потом они сидели на перроне. В проводах пощелкивало, а Сергею казалось, что шелкает у него в голове. «Господи, зачем же мы так напились? – подумал он, тупо глядя на рельсы. – Как же мы будем добираться домой?»

С усилием повернулся и взглянул на друга. Леха сидел, свесив голову на грудь, глаза были закрыты. Сделав еще одно немыслимое усилие, Сергей поднял руку. Рука поплыла сама по себе, слабо сообразуясь с его волей, и коснулась Лехино плеча.

– Эй! Просыпайся! – Свой голос Сергей тоже слышал как бы издали.

– Что? – спросил тот, глядя бессмысленными глазами не на Сергея, а в сторону.

– Поехали домой.

– Поехали, – согласился Леха и снова уронил голову.

Сергей стал подниматься. Перрон покачивался, пытаясь выскользнуть из-под ног. Однако встав, Сергей почувствовал себя гораздо лучше. Руки уже не плавали безжизненными плетями, а довольно энергично трясли друга. Голос тоже окреп.

– Леха, подъем! Пошли!

– Встаю, – выдавил тот, по-прежнему не поднимая головы.

Сергей почувствовал досаду.

– Хватит придуриваться! Вставай. Нам ехать пора.

Он почти вздернул Леху за шиворот. Тот покорно приподнялся и стоял, удерживаемый Сергеем за плечи.

– Я напился, что ли? – Леха попытался сфокусировать разъезжающиеся глаза. Вид был, как у помятого клоуна. – А ты молоток, трезвый совсем, – похвалил он друга.

Сергей промолчал, потому что трезвым себя совсем не ощущал. Минутное просветление сменилось дикой тошнотой и зелеными точками в глазах. Переждав спазм, Сергей потащил Леху к автостанции. Тот хоть и старался изо всех сил, но шел, как краб, суетливо и боком.

Желтая вывеска с расписанием давно проржавела, поэтому Сергей с трудом нашел что-то вроде «Вол...». Не дочитав, с облегчением толкнул Леху на скамью, и тот осел, как подтаявшая снежная баба. Сидевший рядом мужик сердобольно подвинулся.

– С-скоро автобус? – спросил Сергей.

– Минут через тридцать. А может, и через сорок.

«Кошмар», – подумал Сергей. Он выудил из кармана сигареты и попытался прикурить, однако спички загораться не хотели, ломались, а та, что все-таки зажглась, обожгла пальцы, и Сергей с проклятием ее уронил. Сосед сочувственно хмыкнул, зажег спичку из своего коробка и дал прикурить. В ответ Сергей протянул пачку московских сигарет.

– Тяжело пришлось? – мужик кивнул на Лешку.

– Друга провожали. Друг уехал, – объяснил Сергей, тщательно складывая звуки в слова, а слова в предложения.

Он хотел, было, рассказать про Валеркины научные успехи, но потом подумал: к чему какому-то мужику знать про конференцию? Только махнул рукой и значительно повторил:

– Друг.

– Ну, друг – это понятно, – согласился мужик. – Друг есть друг. А уехал куда?

– В Москву.

– А сами-то откуда? Тоже с Москвы?

Сергей кивнул.

– Вот я и вижу, что вы не местные. С Москвы, значит... И как там, в Москве?

Говорить было решительно невозможно, и Сергей жалобно произнес:

– Слушай, отец, мне чего-то плохо. Не могу говорить. Извини.

– Ну, это понятное дело. Тут, знаешь, какое средство требуется? Похмелиться. Организм должен дозу понижать постепенно. Это тебе любой врач скажет – хоть из Москвы, хоть из программы «Здоровье».

Сергей кивнул только потому, что не хотел спорить.

– Но тут вы не купите, – продолжал мужик, – тут на площади магазин уже неделю не работает. Вам надо в Заречье идти, там продавщица непьющая, там всегда открыто.

Сергей покачал головой.

– Как я с ним дойду? – показал он на Лешку, который окончательно сполз со скамейки.

– Да уж... Совсем уморился товарищ твой. А ехать-то вам куда?

– В Волчонки.

– Это ж где? Чё-то не слышал.

– Часа полтора ехать.

– Далеко, – протянул мужик. – Как же ты его довезешь, товарища своего?

Сергей пожал плечами, а мужик тяжело вздохнул.

– Эх... придется вам помочь. На вот, полечись! – и достал из внутреннего кармана полосатого пиджака бутылку.

Сергей замотал головой, отчего в голове загудело еще сильнее, и перед глазами залетали не просто точки, а целый рой огромных зеленых мух. Он не удержался и застонал.

– А я что говорил? – торжествуя сказал мужик. – Пей, мигом поправишься.

Не имея сил спорить, Сергей взял бутылку и отхлебнул прямо из горлышка. Жидкость оказалась самогоном убойной крепости. Горло обожгло так, будто глотнул крутого кипятка, на глазах выступили слезы.

– Брр! – Сергей вздрогнул, как собака после купания – и спиной, и загривком. Однако парадокс – в голове действительно прояснилось. Довольный мужик забрал бутылку и отхлебнул сам.

Дальнейшее Сергей помнил кусками. Неизвестно откуда появился еще один мужик, в фуражке, которая все время съезжала хозяину на нос. Новоприбывший достал из кармана граненый стакан и хотел напоить из него Леху. Однако тот мирно спал, привалившись спиной к столбику, поэтому обладатель непослушной фуражки выпил из стакана сам и угостил Сергея.

Потом подошел автобус. Сергей залез и втянул за собой Леху. Положил друга на сиденье у окна и, перегнувшись, помахал провожающим.

А потом его сморило. Веки сделались неподъемными. Иногда он приоткрывал глаза и смотрел на лес, обступавший шоссе, на Лешку, привалившегося лбом к стеклу. Автобус так сильно подбрасывало на ухабах, что казалось, либо стекло треснет, либо Лехин лоб. Леху было отчаянно жаль, однако забытие засасывало неумолимо, как болото. В глубине же пьяной трясины драгоценным камнем лежала мысль – и на фига он пил самогон на такой жаре?

Сознание вернулось, когда они очутились на остановке. Автобус исчез, только сероватая пыль курилась над дорогой. В оба конца грунтовка скрывалась за лесом, впереди тоже был лес, и только сзади виднелось несколько домов. Самым близким был сельмаг с открытой настежь по случаю жары дверь. Что это была за остановка, Сергей не знал и деревню эту видел в первый раз.

В дверях магазина стояли две женщины и с любопытством разглядывали ребят. У них-то Сергей и поинтересовался:

– Это Волчонки?

Женщины одновременно закачали головами.

– Не-а, это Карьяловское, – ответила та, что была в белом платке.

Вторая, в зеленом, показала на Лешку.

– Товарищ-то твой горазд спать!

– Это вы нас высадили из автобуса?

– Не-а, это Мария.

Сергей перевел глаза на белоплаточную, но та снова покачала головой.

– Не я это – Мария. Мария – вон, в магазин пошла пряников купить. А куда вы ехали?

– В Волчонки.

– А где это?

Вопрос поставил Сергея в тупик.

– Ваша деревня как называется?

– Карьяловское.

– А Волчонки где?

Женщины одновременно фыркнули.

– Не знаем. Видать, не туда приехали?

Сергей попытался улыбнуться, однако улыбка вышла кривоватой.

– Похоже на то. А зачем вы нас здесь высадили?

– Товарищ твой лоб разбил. Мария-то и спросила тебя, ты вроде покрепче, мол, куда вы едете-то? А ты говоришь, что, мол, в город. А города-то там и нету, куда вы ехали. Город-то, он в обратную сторону. Мария-то и помогла вам сойти. Отсюда-то до города ближе, – и женщины зафыркали от смеха.

Сергей снова поулыбался, хотя было совсем не смешно.

– Так куда вы ехали-то? – отсмеявшись, спросила белоплаточная.

– В Волчонки.

– А где это?

Круг замкнулся. Сергей уже достаточно протрезвел, чтобы понять – они сели не на тот автобус и заехали неизвестно куда. А Леха все еще спит сном младенца, и синяк у него действительно знатный. И как отсюда выбираться, абсолютно непонятно.

– Значит, это Карьяловское?

– Карьяловское, оно самое.

– А какие деревни тут еще рядом есть? – спросил Сергей в надежде услышать знакомые названия.

– Мирониха есть. Сычево опять же. Ильинское тоже близко.

– Еще есть Визгунов Лог, – подсказала зеленая.

– Какое! – махнула рукой белая. – Визгунов-то отсюда километров шестьдесят, не меньше.

– А в Шилегу как обратно вернуться? – остановил воспоминания Сергей. – Когда обратный автобус будет?

– Завтра вечером.

– Как завтра? А сегодня?

– Сегодня уже ничего не будет. Только завтра вечером.

– Что же нам делать? – в отчаянии воскликнул Сергей. – Нас же ждут!

Женщины молча глядели на Сергея. А он на них.

Похожи, блин, как сестры, только платки разные!

– Ну, ладно, спасибо и на этом.

Он сильно и зло потряс Леху за плечо – вот же вляпались в историю! Лешка с трудом расклеил веки.

– Где мы? – была его первая фраза.

– Где, где – на бороде! Сейчас расскажу – мало не покажется!

Они сидели на обочине, протрезвевшие и убитые. Разноплаточные женщины стояли поодаль, в разговор не вмешивались, но и не уходили.

– Надо у них спросить, может, какие попутки есть, – придумал Сергей.

Леха обернулся.

– Попутки здесь бывают?

– Не-а. Если б председатель приехал, можно было бы с ним. Но он не приедет, – сказала белая.

– Он вчера съезжал, – продолжила зеленая.

– Но бывают же тут машины? – с надеждой спросил Лешка.

– На шоссе бывают. А к нам, нет, не заворачивают.

– А где шоссе?

– Ну, вот как автобус идет. Во-он, по дороге.

– Далеко отсюда?

– Километров восемь.

– Там по лесу можно спрямить, короче будет, – подсказала вторая.

Сергей заметил, что белоплаточная тетка была более общительной.

– Во-он там ложбинка будет, там и спуститесь на поляночку, а от нее левей держитесь и все вперед и вперед. Так на шоссе и выйдете.

Зеленая молчала, с сомнением поглядывая на всклокоченного Леху. Поймав взгляд, тот пригладил волосы и спросил:

– Сколько идти?

– Километра четыре будет, – ответила белая.
Но зеленая засомневалась.
– А не поболе?
– Ну, может, поболе, – легко согласилась ее товарка. – Километров пять, значит. Вы быстро дойдете, – пообещала она.
– Там точно попутки ездят? – еще раз уточнил Сергей.
– Конечно, ездят. Это ж центральное шоссе! Там прям до Шилеги и доедете.
– Пошли! – поднялся Лешка.
– Куда пошли? Ты понял, куда идти?
– Чего тут не понять? До ложбинки, а там левей и прямо. За час дойдем?
– Дойдете, дойдете, – закивали женщины.
Ребята встали.
– Ну, спасибо вам, – попрощался Сергей.
– Не за что! А товарищ твой пусть лист на лоб приложит, вон, синяк какой растет! – И белоплаточная рассмеялась.
Она была не только разговорчива, но и смешлива.

Идти по лесу было легко и приятно. В воздухе разливался запах нагретых сосен, где-то в отдалении раздавался крик кукушки. На севере кукушки кричат не «ку-ку», а «ук-ук», и сколько Сергей ни вслушивался, слога никак не переставлялись.

– Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось? – спросил Леха. Настроение у него было прекрасным, как будто он выспался на свежем воздухе, а не в свинском состоянии колотился головой об автобусное стекло.

Кукушка, до этого куковавшая без умолку, вдруг поперхнулась, и последнее «ук» получилось совсем глухим. В лесу стало необычно тихо.

Леха рассмеялся.

– Мне Ленка, знаешь, что сказала? Что кукушка утром кукует столько раз, сколько осталось жить, а после обеда – сколько лет еще не женишься.

– Вот-вот! Обед уже прошел, так что жениться тебе, Леха, в этом году.

– Как это прошел? Мы же с утра ничего не ели!

– Значит, тебе в этом году придется помереть.

– Я даже дату знаю – сегодня вечером. Или, крайний срок завтра. И убийца уже известен. Представляешь, что с нами Бутьев сделает за сегодняшнее приключение?

– Представляю, – поежился Сергей. – Поэтому предлагаю ознакомить его с укороченной версией. Скажем, что просто автобусы перепутали, а про то, что напились, умолчим. Тем более, мы протрезвеем, пока доберемся до базы. Прогулки по лесу, знаешь ли, бодрят.

– Ну, не знаю, не знаю, бодрый ты наш. В комитет комсомола Бутьев, конечно, телегу писать не будет, а вот практику может и не зачесть.

На пару минут друзья погрустнели, только день выдался слишком уж хорошим. Высоко над головами качались верхушки сосен и елей, через которые проглядывало яркое небо. Подлеска почти не было, идти было легко. Ноги пружинили, опьянение прошло, и осталось только веселое желание шагать и шагать по такому чудесному лесу.

Тем более они шли через заросли черники, периодически наклоняясь и зачерпывая пригоршни зеленоватых, еще не совсем спелых ягод. Синяк на Лехином лбу расцветал прямо на глазах.

– Интересно, стекло в автобусе не треснуло? – беззлобно поддел Сергей.

Подорожника они, разумеется, не нашли, Лешка только потер лоб ладонью, на чем лечение и закончилось.

– Смотри! – Лешка тихонько подпихнул Сергея в бок. Тот обернулся и увидел глухарку, сидящую метров в двадцати от них.

– Сейчас бы ружье, – шепотом сказал Сергей, – добыли бы точно.

Глухарка безмятежно поглядывала по сторонам красноватыми бусинками глаз, и только, когда люди приблизились почти вплотную, нехотя подпрыгнула и взлетела на ближайшую сосну. Сергей поднял шишку и запустил в птицу. Та недовольно захлопала крыльями и улетела. На землю медленно опустилось длинное рябое перо.

– Вот дурная птица!

– Курица, одним словом, – подытожил Сергей, – да еще непуганая.

Они шли и разговаривали без умолку. Обсудили все – и причину опоздания, которую расскажут Бутьеву, и повторную вылазку в Шилегу для звонка Валерке, чтобы узнать, как он доехал после таких проводов, и отчет по практике, и девчонок из группы.

Только через час, если не больше, сообразили, что на полянку до сих пор не вышли.

Полянки или опушки, или про что им там объясняли разноцветные тетки, не было. Сколько, те говорили, километров? Пять? Нет, это всего – до шоссе. А на полпути должна быть поляна, откуда держать надо левее... или правее?

Сергей с Лехой остановились и огляделись. Сверились по солнцу – похоже, идут правильно, а если чуть и скосили, то самую малость. Наверняка отсюда до шоссе рукой подать. Тетки сказали пять километров? Ну, пусть шесть. Или даже семь. Восемь, в конце концов. Местные всегда приуменьшают. Все равно – рукой подать. Вообще, с местными трудно общаться. Вроде бы всю жизнь в лесу прожили, а соседних деревень не знают. Типичная крестьянская психология, тридцать километров в сторону – и все, терра инкогнита, почти как Африка.

Они присели на упавшую сосну и закурили. В животах урчало. Выкурив по сигарете, встали и пошли дальше.

Они все шли и шли.

Лес изменился. Появился подлесок, почва стала болотистой, похоже, они приближались к реке. Какие там пять километров – отмахали все десять! У Сергея учетный маршрут был пятнадцать километров, и он научился ощущать расстояния.

То, что заблудились, поняли одновременно. И одновременно испугались. Через несколько часов начнет темнеть, а каково будет провести ночь в тайге? Без оружия, в одних только штормовках. Тайга – это не только птицы на маршруте, это еще и хищники. Лисицы, волки, рыси. И медведи. Около их базы жил медведь. Однажды студенты видели, как зверь ломился сквозь кусты позади хозблока. Девчонки завопили, и медведь, испугавшись шума, убежал. Но это было днем, около жилья. А если ночью?

Они прибавили шаг. Надо скорей выходить к реке и по ней добираться до ближайшей деревни.

Растительность стала гораздо гуще, временами они с трудом продирались сквозь кустарник. Появились комары, крупные, как птеродактили. Они подняли воротники штормовок, чтобы защитить шею, и молча и яростно перли напролом. Только отплевывались, когда особо наглый комар садился на лицо.

Спустились по небольшому склону, и пошли по оврагу, дно которого было затянуто жидким илом. Под ногами хлюпало, кеды быстро промокли. Впереди явственно слышался шум воды.

Еще один рывок сквозь сплетенные ветви ивы и комариную тучу – и вот она, река. Течет себе спокойненько в низких болотистых берегах.

Они напрягали слух, пытаясь уловить шум трассы, но безрезультатно. Комариный звон, плеск воды и все. Тишина, не оскверненная присутствием человека – медленная вода, влажный воздух и легкий аромат прибрежных трав.

– Куда двинем – вверх? Вниз? – спросил Леха.

– Конечно, вверх.

– Ну, вверх, так вверх, – покладисто согласился Леха. – Интересно, как эта река называется?

– А какая фиг разница? Нам, главное, быстрее до деревни дойти.

Они шли, внимательно глядя вниз, на влажную, пружинящую землю, выбирая путь от одного поросшего травой холмика, к другому. Идти было трудно. На пути постоянно попадались завалы из скользких стволов, голых, без коры и мха. От усталости шли молча, не успевая отмахиваться от комаров. Сергею казалось, что комары уже высосали из него всю кровь, еще немного – и останется только высохшая шкурка.

И никаких признаков жилья. Как будто цивилизации не было в помине, как будто никто не летал в космос, не смотрел телевизор и не щелкал выключателем электрической лампочки – одна сплошная тайга. Глухомань.

Солнце, тем временем, неумолимо садилось, и они мрачнели с каждым шагом. Голод и жажда отошли на второй план, больше беспокоил вопрос ночевки. Что они будут делать, если до темноты так не выйдут к людям?

Занятые невеселыми мыслями, они не сразу заметили, как русло реки стало расширяться, и только когда лес внезапно кончился, обнаружили, что стоят на берегу огромного озера.

Открывшаяся картина потрясала – река-озеро блестело, как мятая фольга, а над самой водой висело небольшое круглое облачко, подсвеченное фиолетово-розовым сиянием.

– Прям, как у Рериха, – выдохнул Лешка, и это прозвучало наивысшей похвалой.

Той зимой в музее Народов Востока была первая в Союзе выставка картин Рериха, и чтобы попасть на нее, они отстояли за билетами три часа на морозе. Сергей один не стал бы стоять, на фиг ему такой фанатизм? Он, кстати, живопись не очень жаловал, больше любил слушать, чем смотреть, но Лешка уперся. Сергей остался с другом и не пожалел – Рерих того стоил. Ни у кого больше Сергей не видел столь пронзительных красок. Таких же, как вот сейчас на озере. Вдоль всего горизонта тянулась оранжевая полоса, верхняя часть которой становилась настолько сине-зеленой, что у Сергея захватило дух.

Одновременно Сергей заметил, что вода быстро темнеет, и, значит, также быстро уменьшаются шансы найти ночлег до темноты. Почти без всякой надежды он осмотрелся и – чудеса все-таки случаются! – не смог сдержать восторженного вопля.

За кустами, буквально метрах в пяти, из земли торчала старая лодка, даже и не лодка, а полусгнивший остов, намертво въевшийся в грунт. Ну и пусть! Неважно, что лодка старая, зато это знак – рядом жилье, люди!

Мгновенно усталость была забыта, они побежали вперед, и метров через сто, когда кончился ельник, увидели деревню.

– Леха, кажись, мы выбрались!

– Ага, – согласился тот и плюхнулся на землю. – Фух, устал, как пес.

Сергей уселся рядом и полез в карман за сигаретами.

– И не говори, бред какой-то.

Закурили. Лешка повалился на спину, раскинул руки и засмотрелся в небо. А Сергей стал разглядывать деревню у озера.

С десятков домов сбегали по крутому откосу к воде. Людей он не заметил. Ровно как не увидел дыма из труб и освещенных окон. Собаки не лаяли, дети не кричали. Похоже, то была одна из тех заброшенных деревень, каких много в здешних местах. Жаль, конечно, что людей нет, но все равно повезло – ночлег под крышей обеспечен. Из леса уже доносилось мягкое и быстро повторяемое «ут-ут-ут». Это сыч проснулся, значит, скоро точно стемнеет.

– Вставайте, граф! – Сергей толкнул Леху, и тот, перекатившись на бок, осведомился:

– Рассвет уже полощется?

– Еще как полощется. А вчерашние молочницы выстроились в ряд, встречать тебя, дурака, хлебом-солью.

– Да, хлебушка я бы сейчас пожрал, – мечтательно протянул Лешка. – Вот, спрашивается, на фига мы так напились? У меня до сих пор во рту горит, – пожаловался он.

Сергей взглянул на лицо друга и расхохотался.

– Ну и рожа у тебя, Шарапов!

Леха потрогал лоб, на котором наливался громадный фиолетовый синяк, и буркнул:

– На себя посмотри!

Сергей яростно почесал щеку.

– Не комары, а звери какие-то. Настоящие вампиры.

– А еще бывает гнус. Эти вообще трындец. Могут загрызть до смерти.

– Ладно, пропустим. Хорошо то, что хорошо кончается.

– Это точно! Вовремя мы деревню нашли, да?

Воздух посинел, солнце тяжелым красным диском опускалось за скалы на противоположном берегу озера. Окна домов чернели, из стекол уже ушел закатный свет, и только в одном доме, что стоял выше других по склону и несколько поодаль, окно все еще пылало оранжевым. Сергею вдруг почудилось, что это не окно, а зоркий глаз, обращенный к озеру. Зоркий и ненасытный.

Мысль была столь же абсурдной, сколь и мимолетной, поэтому растворилась быстрее, чем Сергей смог ее осознать. Они были рады, что наконец-то выпутались из беды, поэтому легко поднялись и бодро зашагали к домам.

Однако вместе с бодростью вернулось и беспокойство.

– Как ты думаешь, Бутьев сильно взбеленился, когда узнал, что мы не вернулись вовремя?

– Думаю, что сильно. Ну и ладно! Ну и пусть орет, нам главное, чтобы на отчисление не подал.

– Не подаст, ему самому невыгодно истории поднимать, – предположил Сергей, но уверенности в голосе не слышалось. – Представляю, что сейчас на базе творится!

– Ага, и Аллочка волнуется, – съехидничал Лешка.

Обычно Сергей бурно реагировал на подобные подколки, но теперь как будто бы и не слышал. Он вглядывался вперед, туда, где начинался забор ближайшего к ним дома.

– Эй, что там? Куда ты уставился? – спросил близорукий Лешка.

– Да сам не пойму. Что-то странное белеется.

Сделав несколько шагов, друзья переглянулись. У крайнего забора был вбит высокий кол с висящим на нем рогатым черепом.

– Ни фига ж себе украшеньице! – присвистнул Лешка.

– А это ты видел? – Сергей указал на следующий дом, где стоял такой же кол. И дальше, вдоль всей улицы, у каждого дома торчали жердины, с которых свисали выбеленные коровьи черепа с пустыми глазницами.

– Прям, как фонари. Веселые, однако, тут жили люди.

В надвигающихся сумерках картина и вправду была жутковатой, поэтому ребята подпрыгнули от неожиданности, когда совсем рядом раздался голос:

– Это ж откуда вы такие взялись, а?

Минут через десять они сидели на завалинке и беседовали с местным жителем. Новый знакомый оказался мал ростом, невзрачен и относился к типу людей, о которых принято говорить в пренебрежительно-уменьшительном тоне: «росточка», «щупленький». Он и представился-то несерьезно: Витек, а на вопрос об отчестве только отмахнулся, мол, зовите попросту, я привык.

Первый вопрос, который они задали, был, конечно, про черепа.

Витек завертел головой и даже привстал, точно желая рассмотреть колья, но те были скрыты забором, поэтому он снова сел и, подумав, ответил:

– Это коровьи черепа.

– Понятно, что коровьи, а зачем они?

Витек с минуту обдумывал ответ, потом спросил:

– А что они мешают, что ли?

– Нет, не мешают, конечно. Только странно как-то. И вид жутковатый.

Витек согласно вздохнул.

– Это спервоначалу жутко. А потом ничего, привыкаешь.

– И все-таки, – не унимался Леха, – для чего они? Может, это суеверие какое или примета?

– Во-во, примета, она самая! – воскликнул Витек, обрадовавшись удачно найденному слову. – Примета, чтобы медведи не подходили.

– А здесь много медведей?

– Бывает, встречаются.

– И в деревню заходят?

– Не, пока не было. Нонешней зимой видел одного во-он на той поляночке. От леса шел, да потом взял вот так кругом да и сгинул.

– В деревню он бы не зашел, – предположил Сергей, – все-таки здесь люди.

– Да ну, – махнул рукой Витек, – какие здесь люди? Нас здесь всего двое.

– Двое? Вы с женой, что ли?

– Какая она мне жена? – Витек смутился. – Она старуха уже. Соседка просто. Помогаем друг другу.

Замолчал и, отвернувшись, стал глядеть на озеро.

Солнце почти зашло. Вода потемнела, перестала блестеть и казалась вязкой. Хвоя лиственниц на другом берегу стала темно-темно-зеленой, а ели – совсем черными. Только на этом берегу солнце еще задержалось.

Ребята исподтишка разглядывали собеседника. Был он суетливый, бледный и абсолютно не похож на тех местных, с кем они встречались до сих пор.

– Вы здесь родились? – напрямик спросил Лешка.

– Не, – не сразу ответил Витек. – Я тут лет десять живу. А так я в России родился, в Тамбове.

– А здесь разве не Россия? – удивился Сергей.

– Здесь тайга.

– А мы из Москвы.

– Это я сразу понял. Только не понял, как вы сюда-то забрели?

Выслушав их историю, Витек покачал головой

– Попадет вам теперь от старшего вашего. От начальника то есть.

– От Бутьева? Еще как попадет! – согласился Лешка. – Но хорошо, что мы на вашу деревню наткнулись, в доме переночуем, а не в тайге с медведями. Под крышей-то лучше ночевать.

Витек покосился на них; взгляд показался Сергею странно-насмешливым и одновременно печально-мудрым, и абсолютно не сочетался с образом недалекого деревенского мужика.

– А что будет, если вы не вернетесь сегодня? Начальники ваши будут искать? – продолжал спрашивать Витек.

– Переполох будет, это точно. Он уже и сейчас есть, – уточнил Леха, посмотрев на часы. – Последний автобус пришел, а мы не приехали. Завтра на станцию поедут, будут искать.

– На какую станцию? – не понял Витек.

– Шилега. Вы разве не знаете такой?

– Шилега, – протянул Витек. – Наверное, знаю. Всего не упомнишь.

Ребята удивленно переглянулись, а Витек продолжил рассуждать:

– Нехорошо получилось с начальниками вашими. Волноваться будут. И вам попадет. А вы ребята молодые. Может, уважите руководство? Сейчас если по тайге во-он в ту сторону пойти, то на шоссе-то и придете. Не три километра, конечно, поболее, но дойти можно. У вас ноги молодые, шустрые. Ну как? – и вопросительно посмотрел на них.

Сергей и Леха опешили – он, что предлагает уходить в тайгу прямо сейчас, на ночь глядя? Да еще после рассказа о медведях? Чокнулся, что ли?

А Витек продолжал пытливно вглядываться в их лица.

– К утру вернетесь в свой лагерь. Никто и не заметит, – сказал он и неожиданно боязливо оглянулся.

– Ну, и гостеприимство у вас, Виктор, не знаю как вас там по отчеству, – с раздражением сказал Сергей. – Как же мы пойдем ночью по лесу? Вам что, жалко пустить переночевать?

При первых же его словах Витек съехался и по-куриному втянул голову в плечи.

– Если жалко, – продолжил Сергей, испытывая странное чувство превосходства, – то мы можем переночевать в сарае.

– Да какой сарай, – промямлил Витек, – в доме переночуете. Я ж, наоборот, хотел сделать, как вам лучше. А тайга что? Стоит себе и стоит. Всякая тварь там есть, всякая, – и замолчал, задумавшись.

– Может, ему денег дать? – шепотом спросил Леха.

– А у тебя они есть?

– Да осталась мелочь какая-то.

– Ага, сейчас отдадим, а как потом за билеты расплачиваться?

– Ну, значит, обойдется за спасибо.

– Ты думаешь, ему наше спасибо пригодится?

– Кто его знает, странный он какой-то.

Витек сидел, точно манекен, не шевелясь и глядя куда-то вбок. Он абсолютно не интересовался, о чем шепчутся неожиданные гости.

– Очень странный мужик, очень! – заключил Лешка.

– Фиг с ним, главное, в доме переночевать, – решил Сергей, и, возвысив голос, обратился к Витьку:

– Где здесь люди живут? Мы туда попросимся на ночлег.

Тут Витек очнулся.

– Какие еще люди? Нет тут людей, – в голосе явственно слышалась тоска. – Двое нас тут. Только вы не поняли, я ж вас не гоню. Сейчас в дом пойдем, поесть дам. И это... выпить, если что.

Он поднялся, встали и ребята.

– Вы не обижайтесь, – продолжал Витек, – я ж не к тому, что жалко или еще что. Я хотел, чтобы вам лучше было. Ну пойдемте, что ли?

И тут чей-то голос громко спросил:

– Это кого ж ты к себе в гости приглашаешь, а?

Витек застыл, как вкопанный.

Ребята обернулись и увидели стоящую в воротах высокую статную старуху. Красный закатный свет четко обрисовывал резкие морщины на неподвижном, как маска, лице.

– Это кто ж такие? – переспросил звучный и властный голос.

– Да вот, случайно зашли, – засуетился Витек, и Сергей решил, что он здорово боится старухи. – Заблудились в тайге, услышали, как Сотка течет, да и вышли к домам. А сами-то московские, издалека.

– То-то Леший сегодня умывался, намыл, значит, гостей, – удовлетворенно проговорила старуха.

– Это ейный котик, – пояснил Витек. – Умный такой, что просто удивление берет.

Похоже, что не только побаивался соседку, но и заискивал перед ней.

– Да уж, поумнее некоторых, – насмешливо согласилась старуха.

От ее слов Витек совсем потерялся и неуклюже полез по ступеням крыльца.

Старуха, не шевелясь, продолжала буравить ребят взглядом. У Сергея возникло ощущение, что она за секунду узнала про него все, до мелочи. Даже то, как в восьмом классе он стащил пачку сигарет из отцовского кармана и выкурил за школой с приятелями, запивая липким портвейном из передаваемой вкруговую бутылки. Опять затошнило, вернулся горький привкус не то утренней пьянки, не то давнишнего воспоминания. Сердце сжалось, он почувствовал себя нашкодившим подростком.

Старуха не сводила взгляда, и в глазах ее – или так Сергею показалось? – мелькнула недобрая усмешка.

С трудом Сергей смог выдавить сбивчивые слова:

– Мы сюда случайно попали. Виктор... ммм.. не знаю, как по отчеству, – при этих словах Витек испуганно зашебуршал на крыльце, – правильно сказал. Мы заблудились и по реке вышли в вашу деревню. Нам бы только переночевать, а завтра утром мы уйдем. Если не хотите в дом пускать, то мы можем где-нибудь в сарае. Мы заплатим, у нас два рубля есть.

Чем больше он говорил, тем глупее себя чувствовал. Он безумно злился на Леху, хоть бы помог, а еще друг называется! И на старуху злился тоже – в самом деле, хоть бы бровью повела. А, может, она глухая?

– Как вас зовут? – неожиданно выпалил Лешка.

Старуха нашла глазами Витька.

– Что же ты меня не представил?

– Это соседка моя, Анна Егоровна, – с трудом выдавил тот.

Старуха согласно кивнула, и это было первое ее движение, которое ребята увидели.

– Она и есть, Анна Егоровна я. А ты, поди, много про меня понарасказывал?

– Да они только что зашли, – заелозил Витек. – Мы про профессора ихнего говорили. И про медведей.

– А вы медведя, что ль, видели? – обратилась старуха к ребятам.

– Нет. Они не видели, – не давая ответить, заторопился Витек, – это я видел, про то и рассказал.

– Ну, ты известный мастер приврать, – пренебрежительно бросила старуха. – Медведей здесь нет. А рысь есть. Она по ночам почти к самым домам подходит. Поэтому ночевать будете в доме. Сарай от рыси не спасет, понятно?

– Ну, так я их поведу? – робко спросил Витек.

– Больно услужливый стал – в чужой дом гостей провожать. К себе домой гостей я и сама провести сумею.

– Да я ж к себе хотел, – начал, было, Витек, однако старуха отрезала:

– Ко мне пойдут. Он вас толком и покормить-то не сумеет, – обратилась она к ребятам. – Одной водкой и сыт. У меня будете спать, у меня и поужинаете.

Они не сопротивлялись. У старухи, так у старухи. Все равно у кого, главное, лечь и спать, спать, спать.

– Значит, так, гости незванные, – распорядилась старуха, – подождите пока здесь. А ты, – обратилась она к Витьку, – иди со мной, поможешь место подготовить.

Старуха развернулась и пошла прочь. Витек беспрекословно потрусил следом, как собачонка. На ребят он даже не взглянул.

– Тебе не кажется, что мы попали? – спросил Леха, когда они остались одни.

– В смысле?

– Странные они какие-то, что Витек, что бабка эта, как ее?

– Анна Егоровна.

– Во-во, Егоровна! Знаешь, что меня больше всего поражает?

– Что?

– Местные представления о гостеприимстве. Прикинь, люди заблудились, прямо-таки чудом вышли в деревню, а они даже стакан воды не предложили. Ночевать просто напрашиваться пришлось. Интересно, зимой они столь же любезны?

– Не знаю. Но они странные, это факт! Мне показалось, что Витек ее боится.

– Ага, я тоже заметил. Прикинь, с такой соседкой круглый год жить? И еще меня удивило, что он про Шилегу не знает.

– Может, прикидывался? Ну, как можно железнодорожную станцию не знать? Они что, никуда не ездят?

– А куда им ездить? Только в соседнюю деревню за хлебом. Помнишь, в этом, как его? – Карьяловском – тетки вообще никаких названий вспомнить не могли. Типично крестьянская психология.

– А как он реку назвал, по которой мы шли?

– Вроде бы Сотка.

– Сотка? – переспросил Сергей. – Тогда мне все понятно. Тогда это не озеро, это тоже река. Верхняя Сотка называется. Я читал, она разливается и становится похожа на озеро. Тут где-то рядом должна быть биостанция. Ты Иващенко помнишь?

– Нет, а кто это?

– Тоже зоолог. Бутьев про него пару дней назад говорил, типа, они учились вместе. Но не суть. По всему выходит, нам лучше до биостанции добираться, чем до шоссе. Там точно связь с лагерем есть.

– А как узнать в какой стороне биостанция?

– У этих спросить.

– Хм, – Леха с сомнением покачал головой, – если они знают.

– И если скажут, – согласился Сергей. – Похоже, из них информацию надо клещами тянуть, как из партизан на допросе.

– Ш-ш! – Леха прислушался. – Вроде возвращаются?

Они прислушались.

– Нет, показалось.

– А это кто?

Рядом с крыльцом мелькнула тень. От неожиданности Сергей вздрогнул, но потом, прищурившись, плюнул:

– Тьфу! Это ж кот!

Это действительно был кот. Словно догадавшись, что обнаружен, он вышел и сел у крыльца, жмурясь от закатного света. Огромный, ростом с собаку, необычной окраски – лапы и живот серые, а на спине чередовались широкие серые и черные полосы. При малейшем движении шерсть переливалась, цвета переходили друг в друга, и потому казалось, будто зверь не имеет четких очертаний, силуэт постоянно менялся, будто текучая вода.

– Кис-кис, – позвал Лешка.

Кот даже ухом не повел, продолжал сидеть, как каменное изваяние.

– Вылитая хозяйка, – заметил Сергей.

На этих словах кот повернул голову, и их взгляды встретились.

– Кис-кис, котик, иди сюда, – с фальшивой лаской позвал Сергей.

Кот не сводил глаз – огромных, выпуклых, точно налитых зеленой влагой.

Сергей подумал, насколько же коты не похожи на собак. У тех все мысли на морде написаны, сразу ясно, дружелюбно они настроены или нет. А кошки... верно говорят, коты гуляют сами по себе. Вот, например, этот. Может, он и не на них вообще смотрит? А обдумывает какую-то мысль, которая завелась в его кошачьей башке.

– Брысь! Пшел вон! – Сергей топнул ногой. Кот даже не шелохнулся.

В его бездонных глазах – зеленых с четкими вертикальными полосками зрачков – мелькнула такая же издевка, как недавно у старухи.

– Ладно, оставь его, что ты к зверенышу привязался? – примирительно сказал Лешка. – Как ты сказал фамилия этого мужика с биостанции?

– Иващенко. Неужели ты не помнишь, как Бутьев про него рассказывал? Он еще статью написал, которую я для курсовой использовал. Помнишь?

– Что-то очень смутно. Но биостанция – это классно! Лучше, чем до шоссе топать, а потом трястись в автобусе. Определенно надо выбираться на биостанцию.

Кот шевельнулся, переступил лапами. Сергею показалось, что зверь прислушивается к разговору.

– Мы можем с самого утра туда пойти, – начал строить планы Леха, – с самого восхода солнца. Переночуем и пойдем.

Кот чуть склонил голову.

– Лех, – перебил Сергей, – а тебе не кажется, что кот нас понимает?

– В смысле?

– Мне показалось, он понимает, о чем мы говорим.

– Глагольев, это у тебя с перепоя. Трудный день и все такое.

– Нет, я серьезно. Посмотри на него.

Они рассматривали кота, а кот рассматривал их. В звериных глазах была усмешка.

– Видишь, он будто смеется?

– Совсем ку-ку? Вы, товарищ Глагольев, противоречите великому русскому физиологу Иван Петровичу Павлову, его теории о второй сигнальной системе и всем классикам марксизма-ленинизма. Это ж просто кот, *felis felis*! Смотри, – Леха потянулся, желая погладить, но кот вздыбил шерсть, отчего та на мгновение вспыхнула серебром, а потом сделалась абсолютно черной, и издал такой странный звук, который только с большой натяжкой можно было назвать мяуканьем.

- Тьфу ты, зараза какая! – Леха быстро отдернул руку.
- Я же говорил, кот-убийца, – констатировал Сергей.
- Да уж, милый котик! Хозяевам своим под стать.
- Хозяйке, – поправил Сергей.
- По фигу! Что-то не нравится мне здесь, – Леха огляделся.

Поверх покосившегося забора виднелась крыша соседнего дома, такого же неприглядного и грязного.

- У тебя есть другой выбор?
- Нет.
- Ну, тогда и не жужжи. Денег им дадим за ночлег?
- Они вроде и без денег были согласны. А нам, если сейчас все отдадим, а потом все-таки доберемся до шоссе, нечем будет с шофером расплачиваться.
- Думаешь, даром не подвезут?
- Что-то я перестал верить в людское бескорыстие. Особенно глядя на этого малахольного Витьку и милейшую Анну Степановну.
- Егоровну.
- Без разницы, – отмахнулся Сергей.
- Вот ведь филосОф. Не надо по одному факту обобщать.
- Во-первых, не по одному, а по двум. А во-вторых...

Пикироваться они могли до бесконечности, но тут Сергей, заметив рядом с собой старуху, замер на полуслове. Нет, она не подкралась незаметно, просто – *очутилась* рядом. Материализовалась, возникла из ниоткуда.

- Ну, гости незваные, прошу в дом! – приказала старуха.

Старухина изба состояла из одной комнаты, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Русская печка, стол со стульями в центре, дальний угол, занавешенный ситцевой простыней – вот и вся обстановка.

Закат угасал, и по углам сгущался сумрак, и только из-за печной дверцы вырывался красно-желтый огонь – там яростно горели дрова.

- «Хорошо, тепло и безопасно, – подумал Сергей. – Не то, что в лесу».
- Заходите, гости, располагайтесь.
- Бабушка, попить не дадите? – попросил Лешка.
- Тоже мне, внучек нашелся! Анна Егоровна я.
- Простите, пожалуйста, Анна Егоровна. Не будете ли вы так любезны угостить нас стаканчиком водички? – Лешка церемонно склонил голову.

– Ох, и разговорчивые гости мне достались, – покачала головой старуха. – Ладно, сейчас принесу, – и пошла в сени.

Сергей прошелся по комнате, разглядывая обстановку. Сбоку в печке он обнаружил нишу, в которой между закопченными чугунами лежали какие-то камни и валялись пучки засохшей травы. В самом углу было еще что-то, прикрытое грязной тряпкой. Сергей попытался приподнять, но тут под руку вспрыгнул кот и ощутимо боднул здоровенной головой. Сергей отошел обратно к Лехе.

- Что там? – спросил тот.
- Да фигня всякая. Чугунки, кастрюльки.

Вернулась старуха.

– пей... внучек! – сказала она, протягивая жестяной ковшик. Потом посмотрела на Сергея. – Это тебя в Москве профессора научили по чужим вещам шарить?

Сергей смутился. Присутствие старухи действовало угнетающе, он жалел, что они не остались у Витька.

– Да я просто хотел посмотреть, – попытался он оправдаться.

– В следующий раз не хоти! – отрезала старуха.

– Извините.

– То-то же. Есть хотите? – более миролюбиво спросила она.

– Да мы...

– Нечего мыкать! Хотите – так садитесь за стол, а нет – так идите спать.

Есть хотелось ужасно, до рези в животе. Ребята мигом уселись за стол на древние скрипучие стулья с продавленными сиденьями.

Старуха достала из печи большую кастрюлю, разлила по мискам суп и отрезала каждому по ломтю хлеба. Они уже привыкли к тому, что местный хлеб был не белый, как в Москве, а скорее серый, но старухин же хлеб был еще хуже: напоминал глину – сырой, тяжелый и какой-то грязный.

– Больше ничего нету, – сказала старуха, заметив переглядывания.

– Спасибо, нам и так достаточно, – вежливо ответил Сергей, а сам подумал: «Мысли она, что ли, читает?»

Суп был горячий и очень вкусный. Они жадно ели и суп, и хлеб, не замечая глинистого вкуса, только ложки скребли по дну жестяных мисок.

Старуха уселась на лавке, у противоположной стены. Кот лежал у нее на коленях и довольно урчал. Иногда из печи доносился похожий на хлопок звук – это дрова лопались в пламени – и тогда кот напрягался, как стальная пружина под слоем мышц, покрытых шерстью. Его широко раскрытые глаза казались бездонными, а черные зрачки походили на тлеющие от ненависти угольки.

Лицо хозяйки было в тени, но Сергей чувствовал, что она не сводит с них глаз. Такое ощущение, будто по коже ползает надоедливое насекомое.

Огонь в печке разгорелся еще больше. Тени стали резче, и стало казаться, что старуха старше, чем показалось в начале. Теперь Сергей решил, что ей лет за восемьдесят.

Старуха поставила на стол эмалированные кружки с темной дымящейся жидкостью.

– Чай местный, – пояснила она.

Пахло травой, кажется, мятой или чем-то подобным. Леха выпил кружку почти в один присест. Сергей терпеть не мог настои, поэтому смог осилить только половину. Однако и от половины развезло почище водки. Он физически ощущал, как его голова разрослась, делалась непропорционально огромной, тяжелой.

Старуха села обратно на скамью, взяла кота на руки, и тот, ласкаясь, мурлыкал, будто что-то рассказывал.

Мысли Сергея путались. Вроде бы милый котик, а как на нас кинулся... Похоже, что они со старухой разговаривают. Человек разговаривает с котом. Вот бред-то!... Голова совсем свинцовая, хуже, чем на вокзале. Что за дрянь она намешала в чай?...

– Куда завтра пойдете? – допрашивала старуха, и Лешка, улыбаясь, как блаженный, рассказывал и про биостанцию, и про Бутьева, и про Иващенко. Сергею это совсем не нравилось, он хотел остановить друга, но не мог произнести ни слова. С большим усилием смог только спросить:

– Так есть здесь биостанция?

– Не знаю такой. Ничего здесь нет. Только озеро и тайга.

Сергей махнул рукой на упрямую бабку и отправился спать в угол, который она указала. Следом за ним поплелся Леха.

Заснули оба мгновенно, едва ощутив под собой нары.

Всю ночь Сергея мучили кошмары. Огромные мохнатые пауки садились на грудь, протягивали голенастые клешни, обросшие черной шерстью, душили за горло, царапали лицо. А сам он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, чтобы защититься, и только жалобно стонал.

Временами Сергей ненадолго приходил в сознание, открывал глаза, и видел, как по темному потолку бродили еще более темные тени.

Было нестерпимо жарко, наверное, угар шел от печи. Рядом, на соседней подушке смутно виднелась Лешкина голова. Он хрипло дышал, временами что-то сбивчиво бормотал. Сергей толкал локтем, Леха, не просыпаясь, затихал.

Веки тяжелели, Сергей снова проваливался в забытие, и снова чьи-то лапы начинали ощупывать голову. Это не пауки, это кот, думал он. Это чертов кот ходит по мне, чтоб он сдох!

Один раз его разбудили голоса. Сергей приподнялся на локте, вслушался.

Рассвет был уже близок, воздух в комнате посерел. Угол, где они спали, был отгорожен ветхой занавеской, через которую просачивался блеклый свет, тусклый, как от лампадки. Однако икон у бабки не было, Сергей точно запомнил. На стенах вообще ничего не висело – даже вырезанных из журналов картинок. Значит, свет шел от свечи. Или от коптилки.

За занавеской что-то тихонько постукивало, и звучал старухин голос, она не то наговаривала, не то напевала что-то заунывное. Слов Сергей не разбирал, похоже, бабка пела вообще не по-русски. Иногда она затихала, и тогда стук становился громче.

Временами слова казались знакомыми, хоть смысл и ускользал. Что-то вроде «потрем-помним, потом поглядим», монотонное бормотание и «дурную кровь пустить – дверь отворить». И опять бессмысленное мычание.

Звуки убаюкивали, как колыбельная. Сергей почти заснул, но тут мозг вычленил из бабкиного бормотания фразу:

– Ветер дул-дул, гостей привел. Гости незваные, да ожидаемые. Ждала осенью, а они летом явились. Ты что ль, Леший, их намыл, назвал, приворожил, приманил?

Утробное мяуканье. Что-то звякнуло. Тяжелый прыжок кота, и старуха сказала обычным голосом, даже не понижая тона:

– Тьфу ты, черт хвостатый, обрадовался! Думаешь, и тебе человечинки перепадет?

Сергей насторожился, но бабка замолчала. Зато урчание кота стало громким, точно у работающего мотора. Огонек на занавеске заколыхался, старуха запела. Станные, не похожие ни на один известный Сергею язык, звуки. Старуха пела что-то вроде:

И-и-и-и-лаг-и-и-нах-разграх!

Канн-глах-лаб!

Банну-кой-глах-лаб!

Мысли ворочались в голове, точно чугунные шары. Не в силах противиться усталости, Сергей закрыл глаза. Странная какая-то бабка. Будто колдунья. Баба-яга. Под дикий напев в голове крутились обрывки слышанного-читанного.

...А ведь бабу-ягу не случайно придумали. Сказки – это зашифрованная история. Вот такие вот старушки-божьи-одуванчики и становились прототипами сказок. Или Василиса Премудрая. Или Кощей бессмертный. Сергей читал, что по-древнеславянски слово «кощюна» значит «мир мертвых». Странно – мертвые и бессмертные?

Кощей, Кощей... Жизнь моя на дубу... интересно, а дубы здесь растут? Вроде бы не должны. Дубы южнее растут.

В ушах шумело, точно рядом был водопад. Откуда тут водопад? Сотка – спокойная река. Хотя нет, она же образует пороги. Неужели это вода шумит? Или это кот урчит?

И кот такой чудной... А какой здоровенный. И, наверное, злобный. Коты вообще опасны. Кошки крадут дыхание спящих. И душат грудных младенцев. Заберутся в колыбель и загрызут... Нет, это бред! Пионерские страшилки. Надо спать... спать...

Мысли мешались, как картинки в калейдоскопе. С каждым ударом сердца перед закрытыми глазами возникала новый образ. То он видел рельсы, то трясся в автобусе, то какие-то женщины обступали его и чего-то требовали.

А потом подкрался огромный злобный кот. Бесшумно запрыгнул на кровать и вгляделся жуткими глазами в лицо Сергея. С тихим урчанием лег на грудь.. дыхание замирало... затихало... а кот все урчал и урчал, точно ждал, пока человек испустит дух под давящим живым грузом.

В следующий раз Сергей проснулся от громкого стука. Кто-то стучал в окно. Тук! Тук!

В серой дымке Сергей хорошо видел нары, на которых они лежали, скомканное одеяло и даже мелкие цветочки на выцветших наволочках. Сергей толкнул лежащего у стенки Лешку. Тот мигом поднял голову.

– Слышал? – почти беззвучно спросил Сергей.

Лешка согласно кивнул и так же беззвучно, одними губами сказал:

– Посмотри, что там.

Сергей бесшумно откинул одеяло и спустил ноги.

В этот момент стук повторился. Они замерли, стараясь не дышать.

В комнате, за занавеской, зашуршало. Раздались шаги – видимо, старуха прошла вдоль комнаты к окну. Снова стук, но уже другой, видимо, бабка отворила створку окна.

Голоса:

– Что надо? – Это бабка.

– Поговорить.

А это Витек. Голос слабый, будто бы плачущий.

– Зачем в такую рань притащился?

Голос старухи жесткий, властный.

«Ну и ведьма,» – подумал Сергей.

– Эти двое у тебя?

– А где им быть? Спят.

Сергей с Лехой обменялись удивленными взглядами – что за дела? Зачем они понадобились Витьку?

– А с ними... ничего?

Старуха захихикала.

– Живы покуда. Говорю же, спят. И ты иди, спи. На вот, – звякнуло стекло, – возьми бутылку и иди.

– Что ты мне все водку суешь? Не могу на нее смотреть!

– А зачем ты на нее смотришь? – издевательски спросила старуха. – Ты ее пей.

– Как же ты мне надоела, ведьма! Когда же тебя черт приберет?

– Когда надо, тогда и приберет, – отрезала старуха. – Не твоего ума дела. Бери бутылку и проваливай.

Снова позвякивание, похоже, бутылка перешла из рук в руки.

– Я поговорить пришел, – в голосе Витька была мольба.

– Сказала же, не хочу с тобой разговаривать.

– А я хочу.

– Смелый стал? Смотри, мигом окорочу!

– Мне все равно терять нечего. Сама не выйдешь, я зайду.

Недовольное бормотание на непонятном языке, шорох, стук и, наконец, голос старухи:

– Ну ладно! Хочешь – поговорим. Только потом пеняй на себя.

Снова постукивание, шорох. Потом шаркающие шаги к двери. Стукнул крючок – это старуха открыла дверь. Скрип – закрыла за собой. Потом шаги раздалась из сеней.

– Посмотри, что там? – прошипел Лешка.

Сергей встал, сделал шаг к занавеске, отделяющей их закуток. Вдруг Лешка ухватил за руку.

– Стой!

– Что случилось?

– Кота поблизости нет?

– При чем тут кот?

– Да жуткий он какой-то. Мне кажется, он за нами следит.

Они прислушались. В комнате было тихо, только на улице раздавались голоса.

– Фиг с ним, с котом! – отмахнулся Сергей. – Разговор пропустим. Что, интересно, за дела тут творятся?

Он осторожно отодвинул занавеску. Комната пустая, кота не видно. В окне Сергей разглядел очертания стоявшей на крыльце старухи. Витька не заметил, тот либо сидел на ступеньках, либо стоял на земле. Разговор велся громко, каждое слово было отлично слышно.

– Ты зачем их к себе пустила?

– Нужны они мне.

– Для чего? – с подозрением спросил Витек.

– Много будешь знать, скоро состаришься.

– Э-эх, – тоскливо протянул Витек, – кабы мог я состариться. Жил бы, как нормальный человек.

– Хватит скулить. Поди выпей – полегчает, – посоветовала старуха.

Раздалось бульканье, похоже, Витек последовал совету. Но не ушел, а после небольшой паузы снова заговорил:

– Легчает-то на минуту, а потом... Ох, как вспомнишь, во что ты меня впутала, так хоть вой... Все ты, проклятая!

– А ты агнец невинный? Простачка-то из себя не строй, не выйдет! Забыл, что сам вытворял? Али напомнить?

– Это ты меня заставляла, – всхлипнул Витек.

– Сначала, да, заставляла. А потом ты сам во вкус вошел. Кровь человеческая, она-то вкусная! – Старуха на этих словах причмокнула, и Сергея передернуло, настолько омерзительным получился звук. – Помнишь, небось?

– Помню, все помню, – завыл Витек. – Проклятая, ох, проклятая! – и после паузы: – Зачем к себе ребят зазвала?

– Ну, раз сам спросил – сам и слушай, – жестко бросила старуха. – Замену тебе готовлю. Стареть ты начал, видно, Хозяин твою кровь уже сосчитал. Смотри сюда!

Что-то зашелестело, и Витек завыл еще громче:

– Ох, и гадина же ты! Дурная кровь! Ведьма! Ведьма! – Он точно давился этим словом. – Ведьма!

– А ты не знал, что ведьма? Знал, голубчик, знал с самого начала! Сам захотел себе жизнь купить.

– Жизнь, – протянул Витек. – Как тогда в тридцать восьмом увидел тебя в лагере, так моя жизнь и кончилась.

– Кончилась, говоришь? А ведь тогда в ногах валялся, умолял спасти. Помнишь? «Хоть годочек пожить – все отдам», – передразнила она. – Я свое слово сдержала. Пожил. И не годочек, а поболее.

– Да кабы я знал, чем платить за это придется? Лучше б меня тогда в лагере забили до смерти! – Пауза, во время которой слышалось сдавленное бульканье. Потом Витек заговорил снова, уже решительным тоном:

– Зачем тебе ребята? Не губи невинных. Хватит меня одного.

И тут старуха громко расхохоталась.

– Тебя *одного*? Ну, ты и дурак, оказывается! Да ты знаешь, сколько у меня таких, как ты, было? Мой народ вечен. Еще и бога вашего в помине не было, а мы уже правили миром, – горделиво заявила она. – А ты червяк. Из праха сделан, в прах и уйдешь.

– Заткнись! Заткнись! Я душу продал, ведьма! Неужели этого мало? Неужели еще надо насмехаться? – прокричал Витек срывающимся голосом

– Поздно скулить. Уходи. Твой век окончен. Сегодня на закате один из них займет твое место. А второй... Второго, так и быть, отдам тебе. Попируй напоследок.

Старуха произнесла эти слова спокойным и ласковым голосом, без тени сожаления или сочувствия, отчего они показались еще более отвратительными.

– А со мной что будет?

– А с тобой уже *ничего* не будет.

Витек заплакал. Это были слезы опустившегося алкоголика и, одновременно, слезы обиженного и испуганного ребенка.

– Душу-то мою хоть отпусти! – взмолился он.

– Душа твоя у Хозяина, а он никогда никого не отпускает, да и не душа у тебя, а дурная кровь. А теперь иди. Приходи на закате – крови вдоволь получишь.

– У-у, ведьма, да я убью тебя! – неожиданно взревел Витек.

Сергей и Леха снова переглянулись. Витек, хоть и выглядел щуплым, но легко мог бы справиться со старухой. В ту же секунду раздался грохот, крик боли и что-то тяжелое кубарем покатилося по ступенькам вниз. Ребята подались вперед и увидели, что силуэт старухи все такой же прямой. Как же она завалила Витьку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.